

Раздел 6

ФИЛОСОФИЯ

Редактор раздела:

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК – доктор философских наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово)

УДК 101.1:316 + 323.28

Baryshnikov S.G. SPECIFICALLY-SCIENTIFIC BASES OF BUILDING THE SYSTEM OF KNOWLEDGE IN TERROLOGY: THE PRINCIPLE OF DEVELOPMENT. The article reveals the principle of development, which is used when building the specially-scientific knowledge in terrology. The principle of development in specifically-scientific knowledge is a methodological basis of a scientific explanation of the development of the essence of states' terrorist struggle. One of the most important methodological requirements of the principle of development is the need to detect and disclosure the forms of contradictions resolution in the inner unity of terrorism and antiterrorism, in the very essence of terrorist struggle.

Key words: terrology, the principle of development, terrorist struggle, specifically-scientific bases.

С.Г. Барышников, соискатель ЧелГУ, г. Челябинск, E-mail: SG. Baryshnikov@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ В ТЕРРОЛОГИИ: ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ

В статье раскрывается принцип развития, который используется при построении специально-научных знаний в террологии. Принцип развития в специально-научном познании составляет методологическую основу научного объяснения развития сущности террористической борьбы государств. Одним из важнейших методологических требований принципа развития заключается в необходимости обнаружения и раскрытия форм разрешения противоречий во внутреннем единстве терроризма и антитерроризма, в самой сущности террористической борьбы.

Ключевые слова: террология, принцип развития, террористическая борьба, специально-научные основания.

В имеющейся современной научной литературе уже достаточное количество ученых-террологов в своих исследованиях, посвященных террористической проблематике, приходят к общему выводу о необходимости построения и институализации террологии [1-9].

Содержание специально-научных оснований построения системы знаний о террористической и антитеррористической деятельности составляют логические критерии теоретической зрелости данной системы знаний, а также их функции реализации, применения требований логических критериев в построении данной системы.

В концентрированном виде важнейшие логические критерии теоретической зрелости системы знаний о террористической и антитеррористической деятельности определяются методологическими требованиями теоретическому к специально-научному познанию, которые выражают принципы диалектической логики, диалектического способа мышления.

По степени соответствия содержания специально-научных знаний этим методологическим требованиям, по уровню реализации основных принципов диалектической логики в специально-научном познании можно судить о теоретической зрелости всех частнонаучных теорий и системы специально научных знаний о террористической и антитеррористической деятельности в целом.

Важнейшими принципами диалектической логики, которые реализуются в построении системы специально-научных знаний и методологические требования которых составляют

логические критерии определения уровня ее (системы) теоретической зрелости являются: принцип историзма, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, принцип единства теории и практики, принцип развития, принцип детерминизма, отдельные из которых уже были использованы в нашем исследовании.

В связи с необходимостью классификации системы специально-научных знаний о террористической (военной) борьбе государств, следует раскрыть методологические требования принципа развития.

Принцип развития в специально-научном познании составляет методологическую основу научного объяснения развития сущности террористической борьбы государств. Первое важнейшее методологическое требование принципа развития заключается в том, чтобы наиболее полно и всесторонне раскрывался и объяснялся внутренний механизм развития сущности террористической борьбы, ее необходимых элементов, характер связей и отношений между ними в историческом процессе.

Второе важнейшее методологическое требование принципа развития заключается в том, чтобы в исследовании сущности террористической борьбы раскрывался и объяснялся ее объективный внутренний источник развития, развития антитеррористической составляющей необходимых элементов на каждом этапе исторического процесса.

Третье важнейшее методологическое требование принципа развития заключается в необходимости обнаружения и

раскрытия форм разрешения противоречий во внутреннем единстве терроризма и антитерроризма, в самой сущности террористической борьбы.

Важность и необходимость реализации этих требований, раскрывающих функцию специально-научных оснований в построении системы знаний о террористической и антитеррористической деятельности заключается в том, что они определяют возможность понимания и раскрытия объекта и предмета своего исследования - природы (происхождения и сущности) террористической борьбы государств, развитие которой характеризуется: необходимостью, обновлением, как сменой одних качественных состояний другими, преемственностью, направленностью, циклическостью.

Иначе говоря, реализация этих важнейших методологических требований означает раскрытие развития террористической борьбы государств по законам диалектики, что и позволяет показать в ней остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Какое же практическое значение для сотрудников антитеррористических подразделений имеет понимание природы современной террористической борьбы государств?

Очевидно, что самое первостепенное значение, ибо понимание природы современной террористической борьбы государств, места и роли антитеррористических структур государства в ней означает одновременно понимание ими своего предназначения, смысла своего существования, глубокого осознания того, что они находятся на самом остром и переднем крае борьбы за сохранение и выживание Российского государства, российского этноса, материальной и духовной культуры своего народа. Творческое решение каждым сотрудником антитеррористических подразделений своих задач важнейшим условием имеет глубокое знание природы современной террористической борьбы государств.

Отсюда очевидно, что уровень специальной подготовки сотрудников антитеррористических структур определяется пониманием ими существа своей профессии (специальности), квалификация которой находится в зависимости от знания ими природы и уровня организации и ведения антитеррористической борьбы.

Построение системы специально-научных знаний предполагает обнаружение и раскрытие необходимых, устойчи-

вых, повторяющихся связей между противостоящими друг другу терроризмом и антитерроризмом в их развитии и внутреннем единстве, т.е. обнаружение и раскрытие законов террористической борьбы.

Обнаружение и анализ законов террористической борьбы составляет содержание и функцию специально-научных оснований в построении системы специально-научных знаний, а потому является важнейшим логическим критерием их теоретической зрелости.

Террологические (конспиративные) связи проявляются во внутреннем единстве терроризма и антитерроризма, в их развитии и взаимодействии, обмена террористическими и антитеррористическими действиями, следовательно, в террористической борьбе есть частный случай всеобщей связи, а потому законы террористической борьбы есть частный случай наиболее общих законов всякого развития и взаимодействия, т.е. законов диалектики.

Глубокое понимание диалектики взаимосвязи сущности и явлений террористической борьбы с необходимостью требует от сотрудников антитеррористических структур руководствоваться практическим правилом: в практике организации и ведения террористической борьбы недостаточно ограничиваться анализом отдельных сторон, элементов террологической обстановки, необходимо вскрыть сущность террологической обстановки в целом, всесторонне.

Метафизический разрыв сущности и явлений в специально-научном практическом познании конкретной террологической обстановки характеризует догматизм и шаблон в практическом мышлении сотрудников антитеррористических подразделений, что в практике организации и ведения террористической борьбы может привести к бездарно принятому решению, а в конечном счете - к поражению.

Такова сущность одного из важнейших требований к специально-научному познанию, который предъявляет объективный процесс развития к явлениям терроризма и антитерроризма в каждой отдельной форме террористической борьбы. Реализация этого требования в построении системы научных знаний о террористической борьбе составляет важнейшую функцию специально-научных оснований общей теории террористической деятельности.

Библиографический список

1. Володин, А.Г. Террология / А.Г. Володин, В.Н. Коновалов // Международная безопасность и проблемы терроризма: южнороссийское обозрение. - Ростов-н/Д, 2002. - Вып. 13.
2. Грякалов, Н.А. Фигуры террора. - СПб., 2007.
3. Журавель, В.П. О терроризме, террологии и антитеррористической деятельности / В.П. Журавель, В.Г. Шевченко. - М., 2007.
4. Иноземцев, В.Л. Война идентичностей // Свободная мысль - XXI. - 2005. - № 7.
5. Кафтан, В.В. Введение в террологию // Логико-гносеологические основания институционализации. - М.: ВУ, 2009.
6. Одесский, М.П. Поэтика террора и новая административная реальность: очерки истории формирования / М.П. Одесский, Д.М. Фельдман. - М., 1997.
7. Свендсен, Л. Философия зла. - М., 2008.
8. Степанов, Е.И. Современный терроризм: состояние и перспективы. - М., 2000.
9. Тюгашев, Е.А. Террористическая деятельность в транзитивном обществе: интерактивная интерпретация. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. - Новосибирск, 2006. - Вып. VIII.
10. Холмс, Р. Терроризм, жестокость и ненасилие // Метафизические исследования. // Этика: Альманах Лаборатории метафизических исследований. - СПб., 2005. - Вып. 216.

Bibliography

1. Volodin, A.G. Terrologiya / A.G. Volodin, V.N. Kononov // Mezhdunarodnaya bezopasnostj i problemih terrorizma: yuzhnorossijskoe obozrenie. - Rostov-n/D, 2002. - Vihp. 13.
2. Gryakalov, N.A. Figurih terrora. - SPb., 2007.
3. Zhuravelj, V.P. O terrorizme, terrologii i antiterroristicheskoy deyateljnosti / V.P. Zhuravelj, V.G. Shevchenko. - M., 2007.
4. Inozemcev, V.L. Vojna identichnostej // Svobodnaya mihslj - KhKhKh. - 2005. - № 7.
5. Kaftan, V.V. Vvedenie v terrologiyu // Logiko-gnoseologicheskie osnovaniya institucionalizacii. - M.: VU, 2009.
6. Odesskiy, M.P. Poehtika terrora i novaya administrativnaya realjnostj: ocherki istorii formirovaniya / M.P. Odesskiy, D.M. Feljdman. - M., 1997.
7. Svendsen, L. Filosofiya zla. - M., 2008.
8. Stepanov, E.I. Sovremennihyj terrorizm: sostoyanie i perspektivih. - M., 2000.
9. Tyugashev, E.A. Terroristicheskaya deyateljnostj v tranzitiivnom obthestve: interaktivnaya interpretaciya. Socialjnihe vzaimodeyjstviya v tranzitivnom obthestve. - Novosibirsk, 2006. - Vihp. VIII.
10. Kholms, R. Terrorizm, zhhestokostj i nenasilie // Metafizicheskie issledovaniya. // Ehtika: Aljmanakh Laboratorii metafizicheskikh issledovaniy. - SPb., 2005. - Vihp. 216.

Статья поступила в реакцию 02.06.11

УДК 008:001.8

Bekaryukov M.V. CONSTRUCTION OF ESOTERIC REALITY: BASIC ELEMENTS AND THEIR SPECIFIC. In the article considers the coordinates of space, time and language, how the basic elements construction of esoteric reality, and analyzed the characteristics of "esoteric thinking", what causing the specifics of these coordinates, the adepts of esoteric teachings.

Key words: construction of reality, esotericism, esoteric thinking, esoteric reality, occultism, mysticism, myth, mythology.

М.В. Бекарюков, аспирант АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: bekaryukovmv@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ИХ СПЕЦИФИКА

В работе рассматриваются координаты пространства, времени и языка, как базовые элементы конструирования эзотерической реальности, а также, анализируются особенности «эзотерического мышления», обуславливающие специфику восприятия этих координат адептами эзотерических учений.

Ключевые слова: конструирование реальности, эзотеризм, эзотерическое мышление, эзотерическая реальность, оккультизм, мистицизм, миф, мифология.

В последние десятилетия, отмечается рост интереса к мистицизму и эзотеризму во всём мире. Сюжеты, символы и идеи, связанные с различными аспектами мистицизма и эзотеризма, играют немалую роль в различных слоях общества, проникают в научные и философские парадигмы, художественное творчество, а зачастую господствуют в массовом сознании и формируют особые субкультуры и ценностно-смысловые миры, которые можно назвать *эзотерической реальностью*. Поэтому проблема осмысления феномена эзотеризма и формируемых им сегментов социокультурной реальности становится постоянным объектом научных исследований. С 60-х гг. XX в. в США и ряде стран Европы (Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды) создаются кафедры и исследовательские общества, изучающие эзотеризм и мистицизм. С начала 90-х гг. XX в., данная проблема становится объектом исследований и российских учёных. К настоящему времени в отечественной и западной науке сложился ряд подходов к рассмотрению феномена эзотеризма и выявлению основных особенностей эзотерической реальности, среди которых наибольшую популярность получили подходы А. Февра, В. Ханegraафа, К. фон Штукрада, В.М. Розина и С.В. Пахомова.

Для А. Февра эзотерика является особой «формой мысли», отличающаяся от остальных на основе шести критериев: 1) мышление в соответствии; 2) идея живой, одушевлённой природы; 3) воображение и посредничество; 4) опыт трансмутации; 5) идея фундаментального соответствия нескольких или всех духовных традиций; 6) идея более или менее тайной передачи духовного знания, т. е. идея посвящённого эзотерика, избранности, учителя и т. д. Четыре первых критерия являются обязательными, а два последних – дополнительными, свойственными не всем эзотерическим традициям [1].

В. Ханegraаф, полагает, что: «эзотерика является воображаемой сущностью, созданной и гипостазированной фундаментальным полемическим дискурсом западной культуры» [2]. Другими словами, в обществе формируется образ врага, который предстаёт в виде «зла», противопоставленного «добр», носителем которого является само общество. Эзотерика, таким образом, представляет собой не определённую историческую линию или контркультуру, а «пренебрегаемое измерение общей культуры» [3, р. 30].

С.В. Пахомов определяет эзотеризм как: «комплекс специфических интерпретаций реальности, претендующих на тайный характер и подтверждающихся особыми психодуховными практиками» [4, с. 11]. Эзотерическое знание представляется как особая сложно организованная когнитивная база или информационная система, элементы которой позволяют его носителю адекватно и логично, с его точки зрения, интерпретировать действительность [5].

По мнению В.М. Розина, эзотерика это не столько тайное знание доступное посвящённым, сколько определённый круг проблем и особое мироощущение [6, с. 6]. Эзотеризм является

одной из форм эволюции социума, которая опирается на личное творчество, самоактуализацию и психотехническую работу [7, с. 130]. С эзотерическим мироощущением автор связывает следующие моменты: 1) критику ценностей обыденной жизни и культуры; 2) веру в существование иной, подлинной, реальности; 3) убеждение, что человек уже при жизни может войти в эту реальность, посредством трансформации своей личности, духовной работы, переделки себя в иное существо. Целью эзотерика является постижение подлинной реальности, вхождение в особый эзотерический мир. В этом мире действуют законы, которым подчиняется вселенная и сам эзотерик, а в некоторых эзотерических учениях – даже сам Бог [8].

Такая эзотерическая реальность не обязательно представляет собой фантастический или мистический мир. По мнению В.М. Розина, эзотерической является любая реальность, вводящая в идеальный мир. Она становится эзотерической не благодаря содержанию, а посредством индивидуальной реализации личности. Эзотерическая личность проникает в эзотерический мир и одновременно творит его, создавая и уясняя эзотерическое учение [8, с. 169].

Исследования, проведённые А. Февром, В. Ханegraафом, В.М. Розиним, С.В. Пахомовым и другими учёными, позволили сделать значительный шаг к пониманию сути эзотеризма как феномена культуры. Однако, несмотря на то, что исследователи пытались определить сущность эзотеризма и выделить основные особенности и характеристики, выделяющие его из ряда иных форм культуры, ни один из предложенных подходов, не рассматривает принципы конструирования эзотерической реальности и ту систему координат, на основе которой она строится. Между тем, понимание механизмов конструирования эзотерической реальности и рассмотрение её структурных элементов открывает новые перспективы понимания сущности эзотерических учений.

В данной работе, предлагается взглянуть на эзотеризм под новым углом зрения и рассмотреть те аспекты, которые не были затронуты в подходах, рассматриваемых выше. Для этого, нами была избрана теоретико-методологическая база, основанная на феноменологической социологии знания, разрабатываемой П. Бергером и Т. Лукманом [9], с помощью которой, возможно рассмотреть механизмы конструирования и основные структурные элементы эзотерической реальности. Данный подход, позволяет подойти к определению эзотерики функционально и рассматривать её как: *особый вид знания, имеющий иррациональный источник, на основе которого осуществляется конструирование символического универсума – эзотерической реальности, необходимого для реконструкции и воспроизведения мистического или оккультного опыта* [10]. Помимо этого, выбранная методология является перспективным инструментом выявления роли и места эзотерики в процессе конструирования и воспроизводства ценностно-смысловых миров культуры, выявления их функций в социокультурном пространстве и тех потребностей общества, на которые они отвечают. Проведённое

исследование, может стать отправным пунктом для проведения такого рода анализа.

Исходным пунктом нашей работы, является предположение о том, что структура любой субъективной реальности, так или иначе задаётся координатами времени пространства и языка [9], что должно быть релевантно и по отношению к реальности эзотерической. Безусловно, вопрос рассмотрения особенностей понимания времени, пространства и языка эзотериками, неоднократно рассматривался различными учёными и не является новым. Принципиальным отличием данного исследования является рассмотрение пространства, времени и языка, как системообразующих координат – своеобразного каркаса, вокруг которого конструируется эзотерическая реальность, и формируются все её особенности. Помимо этого, в статье предпринимается попытка выявления причины, обуславливающей **именно такую** специфику понимания пространства времени и языка, в результате чего, формируемая реальность становится эзотерической, а не какой-то другой.

Представления о пространстве в эзотерике связаны с понятием *сакральной географии*, начало изучения которой, было положено Р. Геноном [11; 12]. В дальнейшем, этот вопрос рассматривали М. Элиаде, А.Г. Дугин, Ю.Ю. Завгородний и др. Согласно представлениям адептов эзотерических учений, пространство является не только физическим. Оно включает в себя все существующие в конкретном эзотерическом учении планы бытия, которые проявляют себя в большей или меньшей степени в тех или иных сакральных местах. Сакральное пространство – живое, динамичное, вибрирующее и развивающееся по своим законам. Оно исполнено различными духовными влияниями и колебаниями и открыто во всех направлениях – вглубь,вширь, вверх и вниз [13]. Каждый элемент сакрального пространства является одушевлённым. Все точки и объекты сакрального пространства связаны между собой сложной сетью взаимосвязей. Каждая такая точка отсылает адепта к какой-то другой точке пространства, а также к реальности стоящей за ней. Таким образом, всё пространство оказывается пронизанным символами. Эти символы могут создаваться специально или отыскиваться там, где первоначально не предполагались.

Сакральное пространство иерархически упорядочено вокруг некоей метафизической мировой оси: Древа Жизни кабалистов; дерева Игдрасиль германо-скандинавской традиции; горы Абиегнус розенкрейцеров и т.д. В центре пространства находится Центр Мира: Шамбала, Агарта, Замок Грааля и т.д., который часто подразумевает конкретное географическое положение, но, по сути, является также метафизическим внепространственным местом [14].

Ещё одной важной особенностью сакрального пространства является его телеология. Основная цель субъектов этого пространства заключается в движении от периферии к центру мира. Это выражается в идеях познания воли Божией, обожении, просветлении, осознании тождественности Брахмана и Атмана и т.д. Движение в сакральном пространстве, это всегда движение вовнутрь, а само внутреннее пространство обладает приоритетом по отношению к внешнему.

Представление о времени. М. Элиаде предложил идею существования двух вариантов восприятия истории: циклического (мифологического, традиционного, сакрального, *эзотерического*) и линейного (иудео-христианского, исторического, профанного). Подобные идеи рассматривали также и другие авторы: К.Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, А.Г. Дугин и др. Такое разделение восприятия времени и истории имеет большие эвристические перспективы для понимания мировоззрения эзотеризма.

По мнению М. Элиаде, все народы древности и современные «первобытные» общества воспринимают мир как периодическое повторение временных циклов. Космос и история периодически переживает разрушение и повторное сотворение, при этом люди принимают непосредственное участие в этом цикле посредством ритуалов и мистерий. Большинство ритуалов представляет собой повторение действия совершенного богом или мифическим героем «в то время» (*in illo tem-*

pore), на заре истории. Совершая это действие в процессе ритуала, человек воспроизводит деяние божества или героя, тем самым поддерживая и восстанавливая гармонию и порядок в мире. Эта идея получила название «мифа о вечном возвращении» [15].

Подобную картину восприятия времени мы можем наблюдать и в эзотерике. *Время для эзотериков также имеет циклическую структуру.* Однако в большинстве эзотерических учений, в отличие от представлений архаических и первобытных народов, отсутствует идея того, что участие в ритуалах связанных с годовыми циклами как-то реально влияет на возрождение космоса и необходимо для поддержания его существования. В эзотеризме акцент переносится с объективной истории на *историю субъективную*. В процессе Великого Делания, адепт «растворяет» свою индивидуальную историю в истории архетипической, свершающейся в *in illo tempore* или другими словами – принадлежащего Вечности [16, с. 33]. Понятие «Вечности» является ещё одной важной особенностью восприятия времени в эзотеризме. Как отмечает А.Г. Дугин: Вечность обладает актуальным характером. Вечность это то, что *есть здесь и сейчас*, а не то, что может быть. Она есть всегда. Вечность – это то место, где пересекаются пространство и время, образуя единство [13, с. 412–413].

Особенное восприятие языка. Помимо того что язык в эзотерике нагружен специфическими терминами, релевантными только для данной культуры, он представляет собой ещё и инструмент воздействия на реальность. Инструментальное и сигнификативное использование объективаций языка в эзотерических практиках тесно переплетены. Воздействие на реальность посредством языка осуществляется за счёт того, что язык наделяется особыми магическими свойствами и могуществом. Такими свойствами может наделяться как язык вообще, так и язык, считающийся священным. В качестве примера использования существующего языка, можно привести каббалистический трактат «Сефер Йецира», в котором повествуется о том, как Бог сотворил Мир посредством перестановки букв еврейского алфавита.

Иногда, в эзотерических практиках используется и особый язык, созданный для ритуальных целей. В качестве иллюстрации, здесь можно упомянуть об енохианском языке Дж. Ди и Э. Келли, который они получили в процессе сеансов общения с ангелами через видения в магическом кристалле. Другим примером использования такого рода языка являются «Варварские имена для вызывания духов» [17].

Такое понимание языка тесно связано с тем, что для эзотерика слово (имя), и то, что этим словом обозначается – непосредственно связаны между собой. В эзотерическом мышлении наблюдается практически полный параллелизм между словом и реальностью. Здесь имеет место оккультная ориентация обычного языкового значения на мистический денотат, а модель языка выступает при этом как модель передачи неязыкового сакрального знания, понимания основного кода культуры. Особенно ярко это выражается в оккультной литературе, представляющей собой практические инструкции по проведению ритуалов. Так, например, магическое заклинание, как отмечает Д.Б. Зильберман, не может быть произнесено неправильно, поскольку тогда оно не может быть понято. Заклинания и ритуальные формулы не имеют смысла за пределами текста как такового и ситуаций, в которых они произносятся. Их смысл заключается не в содержании, а в том, что они помещены в строго определённых местах текста, для использования в строго фиксированных ритуальных действиях. Они хранятся в тексте как *парадигмы действия* [18, с. 170].

Рассмотренные координаты пространства, времени и языка, являются базовыми для образования каркаса эзотерической реальности и задают всю её структуру. Все остальные, более частные особенности эзотерической реальности, так или иначе, выводятся из них. Однако остаётся непонятным, что именно заставляет адептов эзотерических знаний воспринимать пространство, время и язык именно таким образом?

Наиболее вероятным, представляется, что специфика восприятия времени, пространства и языка, свойственная адептам

эзотерических учений, определяется, спецификой *мышления* особого типа. Это мышление, по своей сути является диалектическим, синкретичным и интровертивным. Оно не замечает противоречий и не стремится их устранить, а наоборот объединяет их в единую стройную систему. Данный тип мышления максимально приближается к тому, который К.Г. Юнг [19, р. 20–21] и юнгианцы называют «сновидческим», символическим, или «синхронистическим», а М. Элиаде – «мифологическим». Помимо К.Г. Юнга и М. Элиаде, мифологический тип мышления рассматривался такими исследователями как: Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, А.Ф. Лосев, А.Г. Дугин, Я. Голосовкер и другие.

Здесь важно отметить, что, **мышление** в данном исследовании понимается в соответствии с традицией феноменологической социологии знания, **как механизм конструирования реальности**, в то время как сама *субъективно воспринимаемая реальность является продуктом деятельности мышления*. Вопрос о том, что является в данном случае первичным – мышление или характеристики реальности, является дискуссионным и лежит за рамками данного исследования. Наиболее важным здесь является то, что мышление и мировоззрение являются взаимозависимыми. Мышление, как механизм конструирования реальности конструирует эту реальность, после чего, само начинают функционировать в рамках полученной реальности и определяться ей.

Как показывают исследования, проведённые М. Элиаде – в мифологическом мышлении, речь идёт не о «внешнем», «абстрактном» познании, а о познании которое «переживается» в ходе ритуала воспроизведения мифа или в ходе обряда, для которого данный миф служит основанием [20, с. 28]. Такую точку зрения на мифологию архаических народов нельзя проверить эмпирическим путём. Однако можно исследовать роль знания и способы познания в мышлении современных эзотерических обществ. В эзотерических обществах передаваемое знание выполняет особую функцию. Как следует из определения эзотерики, данного нами выше, эзотерические знания являются теоретической базой для конструирования особого мистического или оккультного опыта, который является более значимым, чем само знание. Подлинное тайное знание в эзотерике понимается скорее как познание (*гнозис*) высшей реальности – непосредственное переживание и приобщение к ней через личный опыт. Для того чтобы реально постигнуть эзотерическую тайну нужно находиться в системе координат эзотерического учения [21]. Такая интровертивная направленность мышления эзотериков, определяет ряд специфических особенностей восприятия времени, пространства и языка, таких как: стремление к слиянию с архетипической историей; движение от периферии к центру; сопричастность слова и вещи, этим словом обозначаемой и т.п.

Следует сделать одно важное замечание: мифологическое мышление, которое исследовали К.Г. Юнг и М. Элиаде – не тождественно мифологии как объяснительной системе. Мифология содержит непосредственно мифы как средства объяснения происходящих процессов и явлений. В то время как мифологическое мышление – это особый способ познания, некая метапарадигма обуславливающая познавательный процесс. В рамках мифологического мышления (как метапарадигмы) могут существовать религиозные, философские и собственно мифологические системы (парадигмы).

Помимо высказанного замечания, необходимо сделать оговорку о том, что рассматриваемые материалы относятся только к истории и философии эзотерических учений, на основе изучения которых делаются выводы о том, что мышлению эзотериков присущи те же черты, которые выделяются К.Г. Юнгом и М. Элиаде в мышлении мифологическом. Нам хотелось бы избежать преждевременных обобщающих выводов относительно тождественности мышления используемого эзотериками и мышления представителей первобытных обществ или других социокультурных групп использующих

мифы и мифологию. Решение этого вопроса требует проведения дальнейших исследований. Поэтому, для разделения областей мифологии и эзотеризма вместо термина *мифологическое мышление*, которое тесно ассоциируется с мифологией, в контексте данного исследования мы предлагаем использовать понятие *эзотерическое мышление*.

При введении термина *эзотерическое мышление*, с одной стороны – мы опираемся на концепцию А. Февра, определявшего эзотерику, как особую форму мысли и выделявшего её основные характеристики. С другой стороны – избегаем критики в эссенциализме, которая была адресована данному подходу, поскольку не определяем эзотеризм как особую форму мысли, а лишь указываем на то, что эзотерикам всегда свойственна определённая форма мышления. При этом вопрос её исключительной принадлежности эзотерике и определяющего значения для эзотеризма остаётся за скобками.

Однако если предположить тождество эзотерического и мифологического мышления, то возникает вопрос, почему в одном случае результатом деятельности данного мышления является мифология, а в другом случае – эзотерическое учение? На наш взгляд, ответ на этот вопрос заключается в различиях изначальной целевой установки создателей данных систем. Мифологические системы содержат мифы, отвечающие за сохранение традиции всей культуры в целом, в то время как эзотерические учения создаются как теоретические основания для реконструкции и воспроизведения частного сегмента духовной культуры – оккультного или мистического опыта. Традиционная мифология редко знает своих авторов – мифы создаются в недрах коллективного опыта самой культуры. Напротив, авторы эзотерических учений, за редким исключением, всегда известны, а их образ является гарантом легитимности традиции. Мифологическая реальность, являющаяся отражением опыта и знаний культуры и является фактором, объединяющим её носителей. Тогда как эзотерическая реальность, как отмечает В.М. Розин, является субъективной реальностью её автора [22]. Она с трудом объективируется и выводится на общезначимый уровень. Эзотерическая реальность, создаётся в процессе личного опыта гнозиса и самопознания индивида.

Таким образом, можно говорить о наличии, диалектической взаимосвязи, существующей между теоретической базой эзотеризма – составляющей суть эзотерических учений. И оккультными и мистическими практиками – поставляющими эмпирический и эмоциональный материал, позволяющий подтвердить то, что изложено в теории и реконструировать опыт полученный однажды. Иррациональный и эмоциональный опыт, полученный посредством практик, подкрепляет формируемые в сознании адепта теоретические построения, которые, таким образом, актуализируются и становятся частью его субъективной реальности. Само «отмысливание» теоретических концепций также является видом практической деятельности и механизмом конструирования эзотерической реальности. Теория и практика в процессе построения эзотерической реальности являются взаимозависимыми.

Оккультные и мистические практики сами по себе – также не способны сконструировать эзотерическую реальность. Так как для их осмысления необходим определённый теоретический смысловой контекст, в котором явления, существующие в эзотерической реальности, являются возможными, а также особая установка сознания, направленная на получение и воспроизводство данного вида опыта.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что эзотерическая реальность, также как и другие субъективные реальности, существующие в рамках культуры, задаётся координатами пространства, времени и языка. Специфика восприятия этих координат, определяется особенностями эзотерического мышления, находящегося в тесной взаимосвязи с оккультными и мистическими практиками, предоставляющими эмпирический материал для конструирования эзотерической реальности.

Библиографический список

1. Faivre, A. Renaissance Hermeticism and the Concept of Western Esotericism // Gnosis and Hermeticism from Antiquity to Modern Times / ed. by Roelof Van Den Broek. – N.-Y., 1997.
2. Hanegraaff, W.J. Forbidden Knowledge: Anti-Esoteric Polemics and Academic Research // Aries. – 2005. – № 5/2.
3. Hanegraaff, W.J. Beyond the Yates Paradigm: the Study of Western Esotericism between Counterculture and New Complexity // Aries. – 2001. – № 1/1.
4. Пахомов, С.В. К вопросу о демаркации понятия «эзотеризм» // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия. Сб. материалов / под ред. С.В. Пахомова, Ю. Ю. Завгороднего, С. В. Капанова. – СПб., 2008.
5. Пахомов, С.В. Специфика эзотерического знания // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблема интерпретации эзотеризма и мистицизма: Сб. материалов Третьей международной научной конференции / под ред. С.В. Пахомова. – СПб., 2010.
6. Розин, В.М. Эзотерический мир. Семантика сакрального текста. – М., 2002.
7. Розин, В.М. Эзотеризм как форма индивидуальной и социальной жизни // Дискурсы эзотерики (философский анализ) / отв. ред. Л.В. Фесенкова. – М., 2001.
8. Розин, В.М. Личность в религиозном, эзотерическом и научном мире // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5.
9. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е.Д. Руткевич. – М., 1995.
10. Бекарюков, М.В. Социокультурный феномен эзотерики // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул. – 2010. – Т. 2. – № 2.
11. Генон, Р. Восток и Запад. – М., 2005.
12. Генон, Р. Царь мира // Вопросы Философии. – 1993. – № 3.
13. Дугин, А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М.: «Евразийское движение», 2009.
14. Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. – СПб., – 1999.
15. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. – СПб., 1998.
16. Джаммари, Эта неизвестная алхимия. – М.; Воронеж, 2010.
17. Regardie, I. The Tree of Life a Study in Magic. – N.-Y., 1972.
18. Зильберман, Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. – М., 1998.
19. Jung, C.G. (1911-12/1952) Collected. Works, vol. 5, Symbols of Transformation. - London, 1967.
20. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М., 2010.
21. Телемский, О. Юнгианство и эзотеризм [Э/п]. - Р/д: http://www.castalia.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=558&Itemid=35
22. Розин, В.М. Эзотерический мир // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4.

Bibliography

1. Faivre, A. Renaissance Hermeticism and the Concept of Western Esotericism // Gnosis and Hermeticism from Antiquity to Modern Times / ed. by Roelof Van Den Broek. – N.-Y., 1997.
2. Hanegraaff, W.J. Forbidden Knowledge: Anti-Esoteric Polemics and Academic Research // Aries. – 2005. – № 5/2.
3. Hanegraaff, W.J. Beyond the Yates Paradigm: the Study of Western Esotericism between Counterculture and New Complexity // Aries. – 2001. – № 1/1.
4. Pakhomov, S.V. K voprosu o demarkacii ponyatiya «ehzoterizm» // Mistiko-ehzotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Istoriya. Psikhologiya. Filosiya. Sb. materialov / pod red. S.V. Pakhomova, Yu. Yu. Zavgorodnego, S. V. Kapranova. – SPb., 2008.
5. Pakhomov, S.V. Specifika ehzotericheskogo znaniya // Mistiko-ehzotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Problema interpretacii ehzoterizma i misticizma: Sb. materialov Tret'ey mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii / pod red. S.V. Pakhomova. – SPb., 2010.
6. Rozin, V.M. Ehzotericheskij mir. Semantika sakral'nogo teksta. – M., 2002.
7. Rozin, V.M. Ehzoterizm kak forma individual'noj i social'noj zhizni // Diskursih ehzoteriki (filosofskij analiz) / otv. red. L.V. Fesenkova. – M., 2001.
8. Rozin, V.M. Lichnost' v religioznom, ehzotericheskom i nauchnom mire // Obshchestvenniye nauki i sovremennost'. – 1994. – № 5.
9. Berger, P. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya / P. Berger, T. Lukman; per. E.D. Rutkevich. – M., 1995.
10. Bekaryukov, M.V. Sociokul'turnij fenomen ehzoteriki // Izvestiya Altaj'skogo gosudarstvennogo universiteta. – Barnaul. – 2010. – Т. 2. – № 2.
11. Genon, R. Vostok i Zapad. – M., 2005.
12. Genon, R. Carj mira // Voprosih Filosofii. – 1993. – № 3.
13. Dugin, A.G. Postfilosofiya. Tri paradigmi v istorii mihsli. – M.: «Evraziyskoe dvizhenie», 2009.
14. Ehliade, M. Tajnihe obshchestva. Obryadih iniciacii i posvyatheniya. – SPb., – 1999.
15. Ehliade, M. Mif o vechnom vozvrathenii. – SPb., 1998.
16. Dzhammariya. Ehta neizvestnaya alkhimiya. – M.; Voronezh, 2010.
17. Regardie, I. The Tree of Life a Study in Magic. – N.-Y., 1972.
18. Ziljberman, D.B. Genezis znacheniya v filosofii induizma. – M., 1998.
19. Jung, C.G. (1911-12/1952) Collected. Works, vol. 5, Symbols of Transformation. - London, 1967.
20. Ehliade, M. Aspektih mifa. – M., 2010.
21. Telem'skij, O. Yungianstvo i ehzoterizm [Eh/r]. - R/d: http://www.castalia.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=558&Itemid=35
22. Rozin, V.M. Ehzotericheskij mir // Obshchestvenniye nauki i sovremennost'. – 1992. – № 4.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 130.2

Lobanov Y.S. LIMITATION OF THE SOVIET SPIRITUALITY IN MATERIALS OF XXII-th CONGRESS OF THE CPSU. III th Program of the CPSU postulates necessity of overcoming of some the moments of Russian spirituality within the limits of the Soviet sociocultural project - absence of belief in productivity of own actions, spiritual individualism and escapist isolation of spirituality, personal immortality, and a lack of abstract system thinking which is planned to bring up, having shipped spirit in interaction with a technosphere.

Key words: nuance culture, the Soviet spiritual culture, management, immortality, limitation

Ю.С. Лобанов, аспирант ОмГПУ, г. Новосибирск, E-mail: lobanov-y@mail.ru

ОГРАНИЧЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ ДУХОВНОСТИ В МАТЕРИАЛАХ XXII-ГО СЪЕЗДА КПСС

III-я Программа КПСС постулирует необходимость преодоления в рамках советского социокультурного проекта ряда моментов русской духовности - отсутствия веры в результативность собственных действий, духовного индивидуализма и эскапистской замкнутости духовности, личного бессмертия и недостатка абстрактного системного мышления, которое планируется воспитывать, погрузив дух во взаимодействие с техносферой.

Ключевые слова: «нюансная» культура, советская духовная культура, управление, бессмертие, ограниченность.

Находясь в тяжелых природных и исторических условиях существования, советская культура ограничивает неконтролируемое познание и спонтанное изменение картины мира, с тем

чтобы она могла эффективнее управлять миром и собой. Она относится к ограниченным «нюансным» культурам [1, с. 82-87], познание в которых концентрируется на узком круге про-

блем, разрабатывая их до мельчайших подробностей. Преодолевая русскую неспособность к созданию «срединной культуры» [2, с. 57], советская культура должна была уделить особое внимание политике как области непосредственного переустройства реальности. Поэтому именно советский политический текст должен быть направлен не только на непосредственную практику переустройства мира, но и на изменение самоощущения и качеств культуры в акте этого переустройства. Значит, он должен содержать концепты ограниченности советской культуры, и задача в том, чтобы понять, от каких именно феноменов советская культура стремится избавиться себя.

Наиболее полно и ясно программа духовной ограниченности и ее преодоления сформулирована на XXII-м съезде КПСС. В его материалах еще сохранен искренний романтизм оптимизма советской духовности, для которой еще предельно ясна необходимость пафоса великого преодоления границ. Концепты ограничивающего и преодоления границ здесь еще ясны и действенны, еще не успели быть поставленными под сомнение, это сомнение еще не требуется ищущему подлинной ясности и единства с миром русскому духу. Границы модели совершенной, успешно и рационально управляющей собой культуры еще не вполне искажены встречей с практикой и меняющейся, развивающейся, освобождающейся русской антропологией, которая в течение последующих десятилетий перестала испытывать необходимость в индивидуально-коллективном пафосе преодоления. Этот оптимизм виден в завроженности самим автором мировой трагедийностью происходящего. И партия, и общество еще верят, что «мировая капиталистическая система в целом созрела для социальной революции пролетариата» [3, с. 324.]. Жизненные успехи культуры: победа в Великой Отечественной войне, индустриализация, прорыв в науке и развитие техносферы – все еще говорят о том, что воплощение культурно-исторического плана овладения реальностью возможно в максимально точном соответствии с его идеей и рациональностью.

Многие положения Программы никогда не будут реализованы, никогда не станут частью культуры вне ожиданий духа, но это не важно. Важен образ того идеального будущего, который культура хочет объективировать, и тот набор характеристик, которые она хочет себе приписать, и символов, которыми она хочет себя обозначить. Ведь каждое такое приписывание будет свидетельствовать о ментальном акте осознания необходимости преодоления противоположного качества или, по крайней мере, о негативно воспринимаемом отсутствии таких характеристик в прошлом при возникшей в них необходимости. Программа партии выступает как манифест советского духа.

При этом политические документы нельзя считать и чистой сказкой о будущем, фантазией культуры о себе. Многие из того, что декларирует и обещает Программа, уже реально происходит или начинает происходить в действительности советской культуры, и поэтому становится ясным ощущением духовности. Это ощущение подтверждается победой в войне, революционным развитием науки и возникновением техносферы, освоением космического пространства, реальным улучшением бытовых условий жизни. «Именно тогда возникли закрепленные в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: уверенность в завтрашнем дне и убеждение, что жизнь может только улучшаться» [4, с. 54], говорит С. Кара-Мурза о периоде, предшествующем XXII съезду.

Программа логически не обосновывает своих положений, она говорит либо о самоочевидных вещах, либо о вещах безусловного духовного требования, которые уже есть в духовности, и поэтому реальны. Ее положения – интуитивное абсолютное требование того, чтобы мир существовал только как осмысленный и освоенный, как первично антропоэссенциальный и антропоморфный, как мир, с которым можно достигать единства. В этом уже заключается ограничение познания, требование которого исходит непосредственно из духа. Сама духовность и есть мир, который должен быть незыблем, так

как человек не может повторно создать такого же прекрасного и загадочного нового мира, мира мужественного преодоления вековой ограниченности, который был бы наполнен благородством, смыслом и надеждой.

Художественность стилистики документального текста также говорит о том, что советская культура относится к себе и своему проекту эмоционально-напряженно, что она переживает его как свою живую жизнь, а не только как просто практику чистого управления. «Над миром проносится великая очистительная гроза, знаменующая весну человечества». [3, с. 321]. Коммунизм есть стихийная сверхмировая сила, это сила над миром, которая выше мира, сильнее его, отделена от него и готова его полностью переустроить. «Величественное здание нового мира, возводимое героическим трудом свободных народов на огромных пространствах Европы и Азии — прообраз нового общества, будущего всего человечества» [3, с. 330]. Преодолевая влияние образов своих прошлых ограниченностей, советская культура создает картину здания, человеческого творения и дома, стремящегося из неразличенной пространственной пустоты высь, стремящегося организовать бескрайние пространства своей огромностью, сделать их менее значительными, менее бескрайними; разграничивает пространство, различая центр и периферию.

Коммунистическое общество есть общество, в котором становится возможной всеобщая четкость, интеллигентность и различенность. «Светлый гений великого учителя трудящихся всего мира Ленина, чье имя будет жить вечно, озаряет человечеству путь к коммунизму» [3, с. 321]. Гений, преодолевающий старую, смутную картину мира, светел, то есть рационален, определяет себя в своем понятии, преодолел свой аффект и неразличенность. Коммунизм есть принадлежность к великой вечности, к неразрушимому, к пребывающему всегда, к стабильному, неизменному и неподверженному случайному и стихийному, в том числе времени. Советская культура ищет бесконечной длительности символической жизни в противовес досоветскому страху смерти и неконтролируемого изменения, она собирается быть утвержденной в своей неразрушимости, существовать всегда. Советская метафизика есть преодоление конечности материального через веру в универсальную преобразующую силу духа как необходимости. Советское преодоление конечного состоит в том, что в каждом конечном феномене видны следы бесконечной, познанный духом закономерности, и каждый конечный объект больше не отделен, не случаен, он связан познающим интеллектом с бесконечным количеством других объектов.

Великий пафос личного, сверхудовольствие от жизни должны снять страх окончательной личной смерти. Советский человек заботится о бессмертии своих идей, своего имени, своего содержания, а не своего сознания или души, он жив в этих общественных символах, они и есть его реальная жизнь, более надежная и реальная, чем жизнь индивидуальной души.

Эти символы, с которыми он отождествляет себя, будут жить в воображаемой им сверхреальности будущего, которое прорастает в настоящее уже сейчас. Оно требует предельной ясности и не хочет никакого загробного мира, так как тот неясен. Советский человек уже спокойно относится к абсолютному ничто, преодолел страх перед ним, он готов мужественно раствориться в ничто, оно больше не имеет значения, так как оно не уничтожит в нем ничего важного — все важное осталось в вещах, в мире, в «пароходах». Мистическим образом советский человек представляет себя живущим в них в духе некоторого машинного гилозоизма. Машинизируемая советская духовность словно имеет представление, что может воплотиться в своей идеальной модели — машине, стать ее частью. Личное бессмертие с надеждой на лучшую жизнь в загробном мире обменяно на коллективное бессмертие общего дела, бессмертие уверенной жизни своих детей, которой теперь ничего существенно не грозит, на надежность самой жизни вообще.

Мощный поток событий идей и фантазии и всякой динамики внутренней реальности отодвигает в представлении встречу с «ничто», так как советский человек в принципе пе-

рестает четко представлять, что такое «ничто», дух никогда не оставляется наедине с пустотой. В сращении духа с реальностью у советского человека пропадает острота переживания ничто, неизвместности.

После восторга смелого овладения миром и собой душе уже не нужна «какая угодно» вечная жизнь. Земная жизнь должна стать настолько интенсивной, что после нее уже не требуется никакого продолжения, она должна уместить в себя все невозможные ощущения, от нее необходимо устать. Потусторонний мир, мир ирреальных возможностей наступает для советского человека наяву, и ему не жаль расстаться с раем.

Освобождающаяся советская культура впервые мыслит себя как исторический субъект, и тут же требует своей сверхисторичности, претендует на то, чтобы выбрать направление всеобщего-исторического движения. «Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения коммунизма» [3, с. 321]. Преодоление собственной ограниченности «перед лицом всего мира» должно носить в русской культуре именно сверхчело-веческий, сверхтрадиционный характер. С одной стороны, в рамках традиционного, компенсирующего русского мессианского пафоса самоутверждения, а с другой — в рамках требования универсальности, принципиальной всечелове-ческой неограниченности вырабатываемой ценностной системы, которая снимет национальное как принципиальную границу познаваемости и взаимодействия, которая опишет максимально представимое — весь мир и саму человеческую историю.

В этом акте великого преодоления советский народ находит свою принадлежность к вечной истории, которая есть для духовности предмет интеллектуального, идеального вмещения, момент удовольствия от субъективного переживания фантастического, управления субъективной реальностью, которая теперь не хаотична, упорядочена целью и мечтой. Все это — способы актуализации субъективной реальности, радость различности и богатства субъективной реальности, переходящие в удовольствие от силы и разнообразия собственного субъективного вообще. История в дореволюционной России стала носить в определенный период образ дурной бесконечности, бессмысленного однородного приращения времени и формы там, где дух уже требовал качества и сути, требовал подлинного управляемого движения либо к единству с реальностью, либо к управляемой тотальной разделенности с ней, в которой есть возможность контролируемого сообщения между ними, контакта и в перспективе всеобщего единства.

Советская культура в рамках «выполнения всемирно-исторической миссии» [3, с. 383] ищет свое предназначение, необходимость мира в себе. Оно необходимо культуре в качестве возможности движения духа, подтверждения своей жизненной динамичности, нетождественности себе, перспективы смены своего содержания. Здесь же он актуализирует себя в качестве возможности познания, приписанного себе содержания, которое связывает духовность, будущее и настоящее. В активной и системной внешней политике культура стремится показать себя миру, стать для него некоторым содержанием, быть описанным другими и таким образом укрепить границы знания о себе. Советская культура хочет быть достойными пристального внимания, интересным и значимым для наблюдателя постоянно, не быть «terra incognita», и в смысле национальной гордости как минимум не смотреть на Запад «снизу вверх».

Советская духовность теперь «вечна» в своей свободной воплощаемости во всем мире, она переживает причастность великой и надежной судьбе, и в этой судьбе снимает символическую зависимость от конечного, конкретного, телесного, распадающегося, множасьего и ввергающего дух в хаос бесцельного многообразия жизни.

Поскольку коммунизм в конечном счете принципиально основан на построении специфической новой антропологии, освобождающейся при помощи границ, поскольку он сам по

себе есть прежде всего антропологический проект, принципиальными для его построения будут «задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры» [3, с. 416]. Это антропология ясного представления и самоуправления, антропология, в которой культура в каждом из своих индивидов должна отчетливо представить себя как культуру, сделать себя саму предметом себя, в интеллекте, в воле разделить с собой, со своей природой, со своим прошлым или, по крайней мере, показать саму возможность такого разделения.

В смысле наращивания объема контролируемого субъективно-антропологического содержания страна, за счет ограниченности познания «большинство населения которой было неграмотным, совершила гигантский взлет к вершинам науки и культуры» [3, с. 325]. Культура получила свободу управляемой, потенциально конструируемой абстракции, духовное удовольствие различности, ясности и предсказуемость своего мышления. Советский человек нашел возможность внутреннего интеллектуального творческого самоудовлетворения, изменил свое традиционное отвергающее отношение к стро-го рациональности как таковой. Он, в отличие от дореволюционного русского интеллигента, получил мышление по правилам, мышление, которое свободно как незамкнутое в себе, как имеющее выход к реальности, как имеющее необходимое правило объективности и достаточно простое для овладения и оформленности результатов деятельности.

Качества новой русской рациональной антропологии должны быть найдены во всеобщей ориентации на научное мировоззрение классического типа, когда оно утверждается как культурная ценность, антропологический образец. Научность есть образец новых черт духовности как систематического, ограниченного, повторяемого другими, то есть универсального, неуничтожимого, потенциально принадлежащего всей массе индивидов и таким образом ограничивающее антропологию в исключительно индивидуальном, субъективном, случайном содержании. Наука есть инвариантное знание о мире, ее продукт не может быть значительно изменен чьим-либо жизненным аффектом или превратностью судьбы. Она — образец организации духовной жизни советской культуры, то, с чего можно снимать нормы этой жизни, обладать теми капитальными характеристиками, к которым стремится дух культуры в своей необходимости преодолеть себя, снять в себе свои неспособности как причины своего прошлого страдания.

Все враждебное для советской культуры выражается в символах биологии, животности, преодолеваемой в советской культуре, — по-видимому, так переживается значительная прошлая зависимость русской культуры от природы. Капитализм — это спонтанное животное, социализм — целенаправленное сверхприродное, машина. Западное общество охвачено процессами «загнивания», а «монополистическая буржуазия является бесполезным наростом на общественном организме» [3, с. 332].

Советская культура как освобождающаяся и рефлексирующая сама осознает это свое отношение к тотальной природной зависимости как к источнику духовной слепоты, слитности с собой, сама видит себя вовлеченной в стихийные основы духовной жизни. «Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений» [3, с. 419]. Здесь видно, что она осознает многофакторность своей ограниченности, видит, как ограничивающие объективные условия становятся еще более тотальными при неспособности духа.

Разделяющим советскую культуру природе и пространству может быть противопоставлен объединяющий как физически, так и символически, унификационно, образ техники. Только техника может эффективно и быстро ограничивать и разрушать природу, только техника символизирует духу его рационализирующее действие и воспитывает рациональное, последовательное в той части антропологии, где этого качест-

ва еще нет. В этом смысле техника – воспитательное средство советской культуры, образ для снятия необходимых качеств, для подражания, благодаря которому в человеке преодолевается природное. По выражению идеолога научной организации труда А. Гастева, важна не сама машина, а «установка на машину» [5, с. 32].

Русскому мышлению необходимо что-то внешнее, с чего можно снять закономерность, он помнит о своем эскапизме и не доверяет своей субъективности как источнику идеального. Он хочет отнестись к природе с позиции равнодушной техники, разделить и расчленив ее, ограничить ее, прекратить ее стихийность. Взаимодействие со сложными технологиями, принцип которых не может быть понят интуитивно, косвенно повышает осознанность своей культуры вообще. Развитие «массового изобретательства и рационализаторского движения, предприятий, цехов, совхозов, колхозов, бригад и новаторов труда» [3, с. 397] есть проект в том числе всеобщей рационализации и унификации индивидуальных сознаний.

Систематическое разумно-волевое следование плану противопоставляется природно-эмоциональному, животной необходимости, от которой необходимо освободиться как от своей тотальной границы, но для этого нужно ограничить это самое стихийно-духовное, ограничить неясные, внесознательные и иррациональные аспекты духовности.

Советская наука «увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах». Советская культура не хочет содержать в себе ничего такого, чего принципиально не могла бы познать, относительно чего не могла бы выступать как интеллектуально-управляющая, как вместилище все в свою рациональность. Эта невозможность есть символ ее страдания в историческом прошлом, есть капитальная черта ее прошлого образа, от которого она хотела бы уйти. Поэтому советская духовность запрещает к познанию и рассмотрению все то, что не может быть познано однозначно и с методологией, которая передавалась бы другому быстро и в определенном смысле гарантированно.

Чтобы система могла быть создана и не могла быть разрушена, ограниченная советская культура поражает в правах любое индивидуальное, в том числе и индивидуальный интеллект, так как оно может быть случайным, так как этиология возникновения этого индивидуального не ясна на уровне механистической или математической модели. Индивидуальный дух при этом и сам не хочет быть отделенным, хочет участвовать в том, что несравнимо больше, чем он, поэтому индивид и коллективная интуиция движутся в ограничении навстречу друг другу.

Поэтому Программа говорит, «выражая коллективную мысль партии» [3, с. 322], которая есть переход от индивидуальной замкнутости к коллективно отобранному и выработанному идеальному. Коллективная мысль реальна в качестве

жизненно необходимых доминирующих интеллектуальных установок, она основана на неосознанных в интуициях культуры, на всеобщих очевидностях. Их отсутствие нелепимо, так как сама независимая от духа, тотальная в своем воздействии на дух реальность советской культуры диктует стремление к универсальному, которое возможно в рамках упрощенной тотальной болью и удовольствием схемы бытия в качестве необходимости.

Несмотря на особое положение идей в советской культуре, советская научность ограничена и в ее чистой спекулятивности, она не может порождать знание из самой себя, знание, которое усложняет монистичную картину мира, разрывает представление своей относительной спонтанностью. В коммунистической культуре «наука станет в полной мере непосредственной производительной силой» [3, с. 397], потому теория не может быть чистой теорией, теорией для себя, замыкающей разум, ведущем его от объективного закона реальности в предельную абстракцию ради игры ум, без необходимости духа или практики. Поэтому «теория и впредь должна освещать путь практике, помогать выявлению и преодолению препятствий и трудностей, мешающих успешному коммунистическому строительству» [3, с. 417].

Необходимость ограничения чистой, спонтанной теоретичности состоит еще и в том, что дух не может впадать в иллюзорность чистой теорией, он должен связываться с реальностью, корректироваться, избегать замыкания в себе.

Требование постепенного выхода из этой теоретичности еще не означает, что советская культура не содержит сакрализованных идей, которые символизируют доминирование человеческого, логического над спонтанным. Но опыт приобретает все большее значение по мере наращивания ощущения успешности культуры, идеи не должны больше быть фактором ненадежной деуниверсализации реальности – советская культура хочет знать мир во всей возможной полноте, не замыкаться в новом эскапизме, пусть он уже и содержит твердые правила движения.

Спонтанная жизненность, так же как спонтанная теоретичность, есть извращение истинного, подконтрольного воле идеального, неконтролируемое изменение системы ценностей. «Извращенным» противопоставляются именно «простые», непротиворечивые нормы нравственности и справедливости.

В смысле отношения духа к самому себе и миру ограниченность советской культуры есть требование духовного постоянства, непрерывности, отсутствие кардинальной разности состоянии духовности. Это стремление природную цикличность и психологическую дуальность, не испытывать когнитивного диссонанса от незнания того, как действовать сейчас и в будущем; двойственность и цикличность есть конечность, временность, ненадежность, неаффирмативность мироощущения, которую нужно снять.

Библиографический список

1. Федяев, Д. М. Литературные формы приобщения к бытию. - Омск: ОмГПУ, 1998.
2. Бердяев, Н. А. Судьба России. - М., 2004.
3. Материалы XXII съезда КПСС. - М.: Госполитиздат, 1961.
4. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней (книга вторая). - М., 2001.
5. Гастев А. К. Как надо работать: Практическое введение в науку организации труда / под общ. ред. Н. М. Бахарова. — М., 1966.

Bibliography

1. Fedyaev, D. M. Literaturnye formi priobsheniya k biytiyu. - Omsk: OmGPU, 1998.
2. Berdyayev, N. A. Sudjba Rossii. - M., 2004.
3. Materialih XXII sjhezda KPSS. - M.: Gospolitizdat, 1961.
4. Kara-Murza, S. G. Sovetskaya civilizaciya: ot Velikoj Pobedi do nashikh dneij (kniga vtoraya). - M., 2001.
5. Gastev A. K. Kak nado rabotaj: Prakticheskoe vvedenie v nauku organizacii truda / pod obsh. red. N. M. Bakharova. — M., 1966.

Статья поступила в редакцию 20.07.11